

Научная статья
УДК 392
doi: 10.17223/2312461X/43/10

Производство знания и наследия как борьба с неопределенностью: кейс коренных народов Таймыра в 1920–1930-е гг.

Мария Алексеевна Мочалова

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
masha.mochalova@iea.ras.ru*

Аннотация. В оптике исследований неопределенности рассматривается процесс накопления знаний о сообществах коренных народов Таймыра и формирования музейных коллекций на примере нескольких кейсов, охватывающих деятельность Комитета Севера, Красноярского краеведческого музея (Государственный музей Приенисейского края) и Музея антропологии и этнографии в первые десятилетия после революции. Главной целью исследования стала попытка установить, как музеефикация бытовых предметов и изучение признанных на государственном уровне «отсталыми» и «архаичными» традиционных жизненных практик в логике большевиков должны были приблизить победу над «отсталостью», переход к оседлому образу жизни, коллективизацию и модернизацию хозяйства, интеграцию коренного населения в советские структуры. Представляется верным утверждать, что сила опыта, создаваемого музеем или иным учреждением культуры, использовалась для поддержания нарратива о скором переходе коренных северян к социализму, который должен был ознаменовать обеспечение предсказуемости жизни. Исследовав деятельность краеведческого пункта Хатангской культбазы и музейно-экспедиционную работу известных этнографов-североведов Б.О. Долгих и А.А. Попова, сделан вывод, что борьба с неопределенностью происходила в двух измерениях: а) само накопление информации о кочевниках позволяло власти эффективнее определять способы и формы управления территориями; б) репрезентация культур северных кочевников в «модернизирующем» дискурсе эксплицитно представляла путь от «первобытного» состояния «на грани вымирания» к социализму и «цивилизации». Работа также показала, что само означивание вещей и практик через превращение их в экспонаты во многом заложило основы советской политики работы с индигенным наследием, которая получила развитие в последующие годы. Исследование основывается на архивных материалах фонда Комитета Севера (ГАРФ) и публикациях, посвященных экспедиционной деятельности и сбору таймырских музейных коллекций исследуемого периода.

Ключевые слова: Таймыр, коренные народы, наследие, неопределенность, музеи, краеведение, социалистическая модернизация

Благодарности: Статья подготовлена в рамках НИР №490-99-2021–2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского при финансовой поддержке Министерства науки и

высшего образования Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»). Автор также выражает благодарность своим коллегам по работе над исследованием, выполненным по заказу Российского географического общества «История расселения коренных малочисленных народов Таймыра на территориях размещения Норильского горно-металлургического комбината и сопутствующей инфраструктуры в 1920–1980-е годы»: А.С. Басову, С.О. Ковальскому и А.А. Пушину и руководителю проекта Д.А. Функу.

Для цитирования: Мочалова М.А. Производство знания и наследия как борьба с неопределенностью: кейс коренных народов Таймыра в 1920-е–1930-е гг. // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 139–165. doi: 10.17223/2312461X/43/10

Original article

doi: 10.17223/2312461X/43/10

The Production of Knowledge and Heritage as a Struggle Against Uncertainty: The Case of the Indigenous Peoples of Taimyr in the 1920s–1930s

Maria A. Mochalova

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, masha.mochalova@iea.ras.ru*

Abstract. The process of accumulating knowledge about the indigenous communities of Taimyr and the formation of museum collections is examined through the optics of uncertainty studies using the example of several cases covering the activities of the Committee of the North, the Krasnoyarsk Local History Museum (the State Museum of the Yenisei Region) and the Museum of Anthropology and Ethnography in the first decades after the revolution. The main purpose of the study was an attempt to establish how the museification of household items and the study of traditional life practices recognized at the state level as “backward” and “archaic” in the logic of the Bolsheviks were supposed to bring victory over “backwardness”, the transition to a sedentary lifestyle, collectivization and modernization of the economy, integration of the indigenous population into Soviet structures. It seems true to assert that the power of experience created by a museum or other cultural institution was used to maintain the narrative of the imminent transition of indigenous Northerners to socialism, which was supposed to mark the predictability of life. Having studied the activities of the local history post of the Khatanga cultural base and the museum-expedition work of famous ethnographers and Northern historians B.O. Dolgikh and A.A. Popova, the author comes to the conclusion that the struggle with uncertainty took place in two dimensions: a) the very accumulation of information about nomads allowed the authorities to more effectively determine the ways and forms of territorial management; b) the representation of the cultures of the northern nomads in the “modernizing” discourse explicitly represented the path from the “primitive” state “on the verge of extinction” to socialism and “civilization”. The work also showed that the very signification of things and practices through their transformation into exhibits largely laid the foundations of the Soviet policy of working with indigenous heritage, which was developed in subsequent years. The research is based on archival materials of the Committee of the North in the State

Archive of the Russian Federation (GARF) and publications devoted to expeditionary activities and the collection of Taimyr museum collections of the period under study.

Keywords: Taimyr, indigenous peoples, heritage, uncertainty, museums, local history, socialist modernization

Acknowledgements: The research was carried out within the project “Images of Future and Creative Practices: Anthropological Analysis of Social Design and Scholar Creativity under Uncertainty” at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (theme No. H-490-99_2021–2023) with financial support of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030”). The author also expresses gratitude to her colleagues who worked on the research commissioned by the Russian Geographical Society “The history of the settlement of indigenous small-numbered peoples of Taimyr in the territories of the Norilsk Mining and Metallurgical Combine and related infrastructure in the 1920s and 1980s”, project manager D.A. Funk, as well as A.S. Basov, S.O. Kovalsky and A.A. Pushin.

For citation: Mochalova, M.A. (2024) The Production of Knowledge and Heritage as a Struggle Against Uncertainty: The Case of the Indigenous Peoples of Taimyr in the 1920s–1930s. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 139–165 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/43/10

Осмысление способов исследования неопределенности обычно связывают с работой Мэри Дуглас и Аарона Вилдавски «Риск и культура» (1982), уже ставшей классикой антропологии. Во многом эта публикация стала катализатором развития «рискологии», в рамках которой с точки зрения различных дисциплин изучалось формирование понятия «риск» в разных исторических периодах, распределение рисков и контроль за их влиянием и последствиями, проводился анализ различных теорий восприятия риска сообществами. Риск и неопределенность неразрывно связаны. Они дополняют инструментарий социального исследователя, когда он или она пытается понять процессы, происходящие в человеческих сообществах, и учитывает, помимо действительно происходящих событий и изменений внутри них и снаружи, и те, которые могут (или не могут) произойти по мнению членов сообщества (Истомин, Вахтин 2022: 423).

Ульрих Бек, сформировавший концепцию современного «общества риска», утверждает, что появление риска всегда связано с модернизацией и желанием контролировать будущее. Он описывает риск как мобилизующую динамику общества, стремящегося к переменам, которое хочет определить собственное будущее самостоятельно, а не оставлять это религии, традициям или силам природы (Beck 2002: 42). В такой оптике советская модернизация, осуществлявшаяся большевиками в 1920–1930-е гг., представляется процессом, конечной целью которого, в общем и целом, была борьба с неопределенностью и достижение некой предсказуемости жизни всех граждан на различных территориях государства. Вслед за авторами сборника *Modes of Uncertainty...* (2015: 4), говоря о преодолении неопределенности и понимании риска властью, я опираюсь на понятие «технология риска», сформированное Мишелем

Фуко в его концепции «правительности» («governmentality»). Технология риска – это, по сути, основная правительственная технологии, которая превращает что-то в риск, чтобы сделать это «что-то» управляемым (governable). «Отсталость» северных кочевников в такой логике для большевиков и являлась риском, угрозой предсказуемой жизни.

Когда речь идет о коренных народах Севера, важно понимать, что после 1917 г. арктическая и субарктическая зоны оказались отрезанными от остальных территорий страны. Почти полностью прекратилась торговля, не было оружия, сетей, муки и сахара, стрихнина для защиты от хищников, кочевники ушли в тундру и жили за счет своих оленей, что в совокупности привело к сокращениям стад, увеличился поток переселенцев с западных территорий страны, гонимых голодом и Гражданской войной (Слѣзкин 2008: 160–161). Немногочисленные задокументированные реакции коренных жителей Севера на мероприятия «культурной революции», приведенные Юрием Слѣзкиным, позволяют представить ожидания опасности от новой власти и ощущения недоверия, имеющиеся у людей (263–265). Так, в 1932 г. из-за действий властей, приведших к падежу оленей и голоду, при попытке коллективизации оленеводов-охотников Хатангского района Таймыра произошло восстание, которое усложнило и без того тяжелый процесс накопления знаний о коренных сообществах и не способствовало легкому контакту приезжих исследователей.

В первые годы после революции для большевиков Крайний Север в своей «отсталости» и без «национального» самосознания, с одной стороны, был неизвестным и «диким», но с другой – представлялся местом обитания «истинных пролетариев» и особым случаем бесклассового коммунистического общества, с которым властям было необходимо «работать» (Слѣзкин 2008: 173). При этом для переустройства жизни северных кочевников на советский лад было необходимо производство позитивистского по своей природе знания об этих людях и территориях их проживания. В этом процессе были задействованы как ученые-этнографы, так и краеведческая сеть, которая существовала и до революции. Одновременно с этим процессом накопления знания происходила и сама культурная революция, которая должна была ликвидировать «отсталость» северных кочевников.

При «поддерживаемом государством эволюционизме» (Хирш 2022) в рамках марксистско-ленинской парадигмы все народности страны должны были как можно быстрее пройти все «этапы» исторического развития. Репрезентация и музеефикация традиционной культуры должны были только способствовать определению *настоящего* социалистическим. Говоря об этнографических выставках этого периода, Франсин Хирш отмечает, что начало 1920-х гг. было еще временем «экзотизирова-

ющего» музейного дискурса, когда демонстрировались диковинные традиционные предметы и одежда различных народов, проживающих в СССР. 1930-е гг. стали эпохой «модернизирующего» дискурса, когда образ тех же народов стал иным: представляющим людей переживающими необычайно быстрый экономический и культурный подъем, но нуждающимися в помощи в окончательном преодолении «тяготения традиционных верований и обычаев» (Хирш 2022). Помещение предметов (а вместе с ними хозяйственных и культурных практик) под музейное стекло и создание их научного описания с маркировкой «древнейшие формы» должны были трансформировать их материальность, изымать из повседневной жизни и определять их в новом статусе, превращать в объекты иных «миров» – научного и музейного. Субъективные и конструируемые знания в музее как бы становятся объективными и истинными, так как сам музей обладает огромным авторитетом (Баранов 2007: 22), поэтому особенно важна была для власти репрезентация собранных этнографами материалов в «правильном» виде, помогающем модернизировать реальность и бороться с неопределенностью доиндустриального мира.

Исследованию и описанию этого дискурсивного пространства, в котором, по сути, начинал зарождаться институт сохранения и репрезентации наследия в СССР, посвящена данная статья. В ней представлены результаты анализа следующих исследовательских кейсов, касающихся данной проблемы и основанных на таймырских материалах: культбаза и краеведческий пункт Комитета Севера, работа Б.О. Долгих в Красноярском музее и А.А. Попова в Музее антропологии и этнографии.

Случай Таймыра представляется особенно интересным в силу отдаленности региона и экстремальности условий, в которых проходили все мероприятия советской власти. Также стоит отметить, что сложно говорить о наличии большого количества постсоветских исследований, посвященных теме культурного производства в данном регионе в ранний советский период. Наиболее полезными при разработке концепции моего исследования стали работы по истории национальной политики в СССР, в которых были представлены (в большем или меньшем объеме) история народов Крайнего Севера (Слезкин 2008, 1993; Мартин 2011; Хирш 2022). Близкие рассматриваемой в статье теме вопросы поднимаются в некоторых исследованиях построения социализма на Енисейском Севере (Бурмакина, Гайдин 2019; Национальная политика 2022) и уже во многом ставших классическими антропологических исследованиях Таймыра (Андерсон 1998; Дьяченко 2005).

Данное исследование частично является неким продолжением начатой в 2022 г. архивной работы в рамках исследовательского проекта по изучению расселения коренных малочисленных народов Таймыра под влиянием промышленного освоения региона, выполненной по заказу

РГО, но опирается в основном на корпус архивных документов Комитета Севера (фонд Р-3977), хранящихся в Государственном архиве РФ, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Также в качестве источника использовались публикации советских этнографов и (или) музейных работников, посвященные репрезентируемым коллекциям, описаниям культурных и хозяйственных практик и в целом этнографическим исследованиям исследуемого периода (Попов 1935, 1937, 1948, 1952; Гарданов 1957; Грачева 1980; Чурилова 1991).

Процесс музеефикации собранных в экспедициях предметов, описания промыслов и обычаев, фиксации фольклорных традиций отсылает нас к концепции производства наследия, под которой сегодня понимается процесс отбора и «маркировки» вещей, зданий, пространств и различных практик как того, что предлагает репрезентацию прошлого и чувства идентичности. Наследие всегда выполняет некую «работу» (Смит 2013: 27), и обычно она связана с обоснованием и поддержкой некоторых идентичностей и нарративов, связанных с определенной этнической или локальной группой. Об активном развитии наследия как института в СССР стоит говорить, обращаясь все же к более позднему периоду, чем тот, что рассматривается в данной статье, – к 1970–1980-м гг. Однако учитывая, что музей является по своей природе достаточно консервативным институтом (Баранов 2007: 21), созданным для хранения и трансляции «реально существующего» (в определенный момент времени и при определенных политических условиях) культурного наследия и знания, важно понять, как закладывались паттерны музейной работы с этнографическими предметами и описаниями, что я и пытаюсь сделать в данной работе. Стоит также отметить, что именно период первых лет после революции был той «точкой», к которой постоянно возвращались в последующие периоды советские исследователи в поиске некой идеологической опоры, апеллируя к указанию В.И. Ленина «как можно скорее овладеть культурным наследием прошлого» (Гарданов 1957: 8).

О некоторых трендах национальной политики в 1920–1930-е гг. на Таймыре

Расселение на полуострове различных по численности и языку сообществ долган, ненцев, эвенков, нганасан и энцев в начале XX в. следовало не административному принципу, а определялось хозяйственными связями: люди объединялись для выпаса оленей, охоты и рыболовства, кочевали в районе определенных «центров», где каждый год при смене сезонов они достигали хозяйственных договоренностей, разбиваясь на группы и выбирая маршруты кочевания, используемые пастбища и места промысла (Долгих, Левин 1951). Создаваемые «родовые советы» в

самом начале 1920-х гг. следовали логике дореволюционных «инородческих управ», объединяя людей, входивших в состав разных местных сообществ. Позже они были реорганизованы в «кочевые советы» следуя новым принципам районирования.

Процесс районирования в СССР в 1920-е гг., задействовавший этнографов, о которых пойдет речь ниже, после правительственной дискуссии между Госпланом и Наркомнацем (Хирш 2022) стал основываться на этнотерриториальном принципе, который представлял собой некий компромисс между экономическим и этническим принципами, лежащими в основе определения административно-территориальных границ (Хирш 2022). Экономический принцип ставил во главу угла хозяйственное единство территории, позволявшее наиболее эффективно, как казалось, осуществлять экономическую деятельность внутри одной административно-территориальной единицы; этнический же принцип предполагал, что у всех народов СССР должна существовать своя единица государственности той или иной степени автономности. В итоге в советской административно-территориальной системе утвердилась иерархия соответствующих единиц, соотносимая с численностью и «уровнем развития» соответствующих этнических групп. Например, «нации» определялись как наиболее развитые народы, и они имели «свои» республики в составе Союза или автономные республики в составе республик союзных; «народностям» же, еще якобы не достигшим уровня развития «наций», отводились другие административные единицы, начиная от таких крупных, как автономные области, национальные округа и районы, и заканчивая небольшими национальными советами и колхозами (Хирш 2022). Предполагалось, что у всех относительно компактно проживающих этнических групп СССР могла существовать своя автономная административная единица, форма которой зависела от численности и «развитости» «наций» и «народностей». В.И. Ленин писал о необходимости существования государственных образований разного уровня для разных этнических групп, а значит такой порядок административно-территориального устройства был частью «ленинской национальной политики» (Гурвич 1971: 25). Этот же порядок влиял на процессы, связанные с культурно-просветительской работой и репрезентацией «культур» в различных пространствах (в том числе и музейном, на котором сосредоточено внимание в этой статье). При этом политика в отношении малочисленных народов Севера строилась на основе патернализма: в советской марксистской логике эти народы должны были при содействии государства достичь стадии социализма, минуя капитализм, так как предполагалось, что они находятся на предшествующих капитализму стадиях развития (Мартин 2011: 552).

Проблема «политической отсталости» решалась вовлечением коренных народов Севера в общесоюзные структуры через их политическое

участие в советах разных уровней. Для повышения «уровня развития» народов Севера в рамках ленинской национальной политики предполагалось постепенное определение границ и обретение «своих» административных единиц этими народами, что и было воплощено на Таймыре в 1930 г. созданием национального округа. Это событие в логике власти ознаменовало переход от исключительно поддерживающих мер, оказываемых государством в 1920-е гг., к преобразованию хозяйственной деятельности и всей жизни представителей коренных народов и переходу к социализму (Бумаркина, Гайдин 2019: 104).

Хозяйственная модернизация на Таймыре проходила через коллективизацию и связанную с ней рационализацию оленеводческих, охотничьих и рыболовных хозяйств кочевников. Кочевой образ жизни как часть «отсталости», которой была «объявлена война» (Слѣзкин 2008: 255–256), для государства был определен важнейшей проблемой, требующей скорейшего решения. Властью он воспринимался как главное препятствие развитию коренных народов экономически и политически. Кочевание, по мнению власти, мешало Советскому государству обеспечить необходимый «стандарт жизни» для коренных народов, т.е. снабдить их нужными товарами и услугами, а также необходимый для интеграции в различные модернизационные процессы уровень образования, оказывать необходимую медицинскую помощь и т.п.

К концу 1930-х гг. также для «преодоления отсталости» была развернута сеть образовательных и медицинских учреждений, стремившаяся охватить все население округа. Сеть местных учреждений культуры в тундре, сочетающих в себе различные функции (культбазы и работавшие при них красные чумы, дома туземца, пункты ликбеза и др.), была важным агитационно-просветительским инструментом в процессе перевода на оседлость, а также способствовала накоплению знаний о кочевниках, их жизненном укладе и местности, где они проживали. Далее рассмотрен кейс такого учреждения.

Хатангская культбаза Комитета Севера

Обычно исследователи соотносят начало активной деятельности советской власти на Крайнем Севере с организацией работы Комитета содействия народностям северных окраин (коротко – Комитета Севера) в 1924 г., хотя до этого рассмотрение проблем жителей высоких широт входило в компетенции Народного комиссариата по делам национальностей. Впрочем, работу Наркомнаца, занятого волнениями в Средней Азии, Закавказье и других регионах, в северном направлении, по мнению Юрия Слезкина (2008: 165), стоит охарактеризовать так: «Сталину и его конторе было чем заняться и без северян». В Наркомнац поступало

постоянно растущее число тревожных докладов о положении аборигенов, которые, несмотря на свою «культурную отсталость», признавались властью максимально адаптированными к местным условиям, а значит «необходимыми» в индустриальных процессах освоения различных ресурсов Севера, в которые они должны встроиться с помощью государства. При этом само государство обладало крайне ограниченной информацией об этих нуждающихся в помощи жителях высоких широт. Нужными знаниями и компетенциями обладали этнографы-североведы, многие из которых в прошлом были ссыльными революционерами, достойными доверия (Слѣзкин 2008: 173), поэтому в 1922 г. при Наркомнаце было создано Центральное этнографическое бюро, в обязанности которого входило «снаряжение экспедиций для изучения различных племен и составления описания народов России» (Станюкович 1978: 163), но этого было недостаточно.

В 1923 г. малая коллегия Наркомнаца, выслушав доклад В.Г. Богораз, приняла решение «организовать Комитет содействия и защиты малых народностей Севера и Сибири (чукчи, самоеды, карагасы, сойоты, долгане и т. д.)» (Сергеев 1962: 72). Комитет был создан 20 июня 1924 г., но уже непосредственно при ВЦИК. Так, 2 февраля 1925 г. было утверждено «Положение» о Комитете, которое определило его структуру, компетенции и задачи. В основе политики Комитета Севера лежала идея об «образовании и воспитании» представителей коренных народов, которые, по мнению его партийных членов, все без исключения были жертвами нищеты и угнетения, силами просветителей – представителей Советского государства и его новой идеологии. Общие взгляды членов Комитета, многие из которых были этнографами, в целом можно назвать протекционистскими, а саму работу – своеобразным активизмом или даже «миссионерством» (Слѣзкин 2008: 184) новой советской культуры. При этом, основой для такого «проповедования» нового быта и культуры изначально должно было стать всестороннее изучение сообществ северян, а устройство их жизни в молодом государстве – ненасильственным, учитывающим их хозяйственные практики, родовые отношения, а также, по мере возможностей, и культурные традиции, если те не содержали в себе глубоких противоречий советской идеологии и всему процессу модернизации.

Комитет Севера был организован, по выражению М.А. Сергеева (1955: 224), «на общественных началах, что сказалось благотворно на его деятельности». Бессменным его руководителем стал заместитель председателя ВЦИК П.Г. Смидович, а в состав вместе с учеными вошли видные партийные деятели (А.В. Луначарский, П.А. Красиков, Н.А. Семашко и др.). Ю. Слѣзкин же отмечает (2008: 177–178), что «как и во многих других комитетах, созданных в середине 1920-х гг., обилие звучных имен

должно было компенсировать недостаток бюджетных средств», а «реальную работу» предстояло вести активистам-исследователям.

Одним из основных направлений работы Комитета Севера было создание сети культурных баз. Работа над проектом такой сети велась с самых первых дней существования Комитета, а в 1926 г. в «Северной Азии» вышла статья А.К. Львова, оптимистично описывающая планируемые учреждения как то, что может реально «дать туземцам культурную помощь» (Львов 1926: 28) и при том в достаточно короткие сроки. Культбаза представляла собой крупное статичное многопрофильное учреждение, в составе которого работала школа-интернат, больница с амбулаторией и передвижным врачебным отрядом, детские ясли, которые находились в ведении системы здравоохранения, ветеринарно-зоотехнический пункт, клуб, радио и передвижная киноустановка, а также краеведческий пункт, на котором сосредоточено особое внимание в данном исследовании. Именно культбазы стали предтечей будущих домов культуры на Севере. Работники культбаз должны были вести культурно-просветительную работу среди коренного населения, внедрять передовые способы хозяйствования, новые бытовые привычки и промысловые практики – опекать, учить и лечить. В основе районирования при размещении культбаз лежал инструменталистский этнический принцип, который должен был способствовать объединению групп северных кочевников, появлению «больших общностей из меньших»: создавались «самоедская база», «коряцкая», «тунгусская» и т.п. (36–37). В 1926 г. было запланировано строительство 5 культбаз.

Начало осуществления проекта культбаз на Таймыре (планирования и финансирования строительства) стоит отнести к 1929 г. – тогда проводились работы по разведке территорий вдоль Хатангского тракта. Он представлял собой цепочку станков – относительно постоянных населенных пунктов, расположенных на территории от оз. Пясино на западе и до низовьев Анабара на востоке (Долгих 1963: 95). Именно здесь, на летовьях и зимовьях кочевников, происходило «смешение разных народов», отмеченное еще в XIX в. (96). Это смешение к началу XX в. привело к некоему этнографическому единству жителей Хатангского тракта, что повлияло и на районирование при постройке культбазы. Так, Хатангскую культбазу запланировали построить «на границе Сибкрая и Якутии» для обслуживания долган, «отуземившихся затундренских крестьян и частично тунгусов» (ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 588. Л. 24). Хатангская культбаза предполагалась как единственная в районе кочевания долган «вблизи еще вовсе необозримых пространств восточного Таймыра», а район, который она должна была охватить, назывался «местом столкновения разных народностей и крепкого оленеводства» (Л. 25).

Интересно, что, судя по документам Комитета Севера, изначально на Таймыре планировалось создание двух культбаз: Хатангской, которая

помимо перечисленных групп также «фактически будет частично обслуживать группу тавгийских (авамских и вадеевских) самоедов [нганасан]», и Пясинской, которая также частично должна была обслуживать то же нганасанское население, а также «самоедов приенисейских (Хантайских и Карасинских)» (ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 590). В отношении Пясинской культбазы выражалось сомнение по поводу того, что «обе группы смогут быть объединены культбазой в целостную группу» (Д. 590). Первоначально также отмечалась нехватка средств из-за приоритетного строительства культбаз в других северных районах, и строительство откладывалось. С опорой на данные о расселении можно предположить, что развитие «центра притяжения» кочевников вблизи мест, где велась разведка для строительства будущих объектов Норильского горно-металлургического комбината (НГМК), показалось в итоге властям не лучшей идеей. Другое возможное, на мой взгляд, объяснение основывается на предположении, что в структурах НГМК планировалось появление учреждений, дублирующих функции культбазы. Так или иначе, Пясинская культбаза не была построена и единственным таким учреждением на Таймыре стала культбаза в селе Хатанга.

По положению о культбазах, помимо прочих учреждений при Хатангской культбазе было намечено создание краеведческого пункта. Научно-исследовательская работа, которая стала основой деятельности таких пунктов, являлась одной из основных больших задач, возлагаемых на весь проект культбаз. Так, на одном из многочисленных, подробно и эмоционально обсуждаемых во внутриведомственной переписке проектов программы краеведческой работы на культбазах, помимо других пометок, дописано карандашом «Культбаза есть постоянно действующая экспедиция!» и подпись «Тан-Богораз» (ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 588. Л. 105). Кажется, эта яркая заметка на полях показывает, насколько важно было для комитетчиков-этнографов устроить работу культбаз так, чтобы исследовательской деятельности было уделено достаточное внимание наравне с просветительской. Этой цели должны были послужить краеведческие пункты, создаваемые при культбазах.

Краеведческий пункт культбазы

В положении о краеведческих пунктах культбаз были определены три основные задачи их работы: всестороннее краеведческое изучение района, обслуживающегося культбазой; подготовка краеведов из числа местного населения; «учет и увязка» различных работающих в районе работы культбазы экспедиций (ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 1017). Программа работы пункта основывалась на «изучении местного населения, его экономики и быта», а также на естественно-географическом исследовании края. Разделы программы включали: периодическое статистико-

экономическое обследование населения, этнографические и лингвистические исследования, историческое изучение местного края, работу с вопросами классового расслоения и положения женщин, а также геологическую разведку, метеорологические и биологические наблюдения, картографирование. При краеведческом пункте должен быть организован «музей местного края, являющийся объединенным музеем культбазы», где должны быть представлены следующие «разделы»: естественно-исторический, местных промыслов, культурно-исторический, экономики местного края, советского строительства. «Материалы музея», представленные «местными сборами», следовало экспонировать вместе с «сравнительными материалами из других районов». Коллекции музея должны быть «точно определены» и описаны, а если с этим появлялись проблемы, то материалы было необходимо направлять в соответствующие научные учреждения. Работать в краеведческом пункте по плану должны два человека: этнограф-экономист и специалист по естественным наукам. Также при музее пункта устраивалась местная краеведческая ячейка, библиотека местного края и проводились консультации по вопросам краеведения.

Такое подробно расписанное устройство краеведческой работы стоит связывать с изменением политического курса в отношении краеведения в стране в целом. К концу 1920-х гг., которые принято называть временем бурного развития краеведения в рамках либеральной программы науки (Мельникова 2012: 213), государство перешло к установлению полного контроля над производством краеведческого знания, отказавшись от формальной поддержки, что ознаменовало собой начало эпохи «нового советского краеведения». Эта смена курса сказалась на краеведческой работе в более близких к центру страны регионах, но в отношении Крайнего Севера означало не переустройство краеведческой работы, а выстраивание ее с нуля по этой новой государственной программе. Стоявший во главе Комитета Севера с самого начала его существования П.Г. Смидович в 1927 г. был также назначен председателем Центрального бюро краеведения. Такой поворот в сторону контроля означал, что краеведение включено в число политических инструментов демонстрации успехов культурной революции.

Рассмотрим, что известно о работе краеведческого пункта Хатангской культбазы из отчета за 1932–1935 гг. (ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 1144). Пункт официально начал свою работу в апреле 1933 г. в составе двух работников: зоолога-охотоведа, совмещающего функции заведующего, и его помощника-лаборанта. Кадровый состав работников показывает, что план по работе в краеведческом пункте этнографа выполнен не был, упор в работе был сделан на сбор естественно-научной информации, однако также в отчете указано, что оборудование для такой работы, закупленное в Красноярске и Москве, было получено лишь осенью 1935 г. Помещения культбазы еще строились, специальная постройка

для пункта отсутствовала, поэтому работники были вынуждены разместиться в одной из старых изб, что значительно усложнило их работу в силу погодных условий. Запланированные обследования территорий и описания флоры и фауны велись также с большими трудностями из-за отсутствия транспорта. В 1933 г. не проводились экономические исследования «из-за неуверенности в успехе после событий 1932 г.» – вероятно, имеется в виду Хатангское восстание, которое не могло не повлиять на работу с местным населением. Восстание продолжалось около 2 месяцев и было вызвано произвольным изъятием оленей, постановкой несоответствующих возможностям планов по сдаче пушнины, наложением незаконных платежей местными властями (Дворецкая 2019). Повстанцы захватили на несколько дней районный центр Хатангу и около 100 русских жителей села. Восстание было подавлено, но после него Политбюро ЦК приняло постановление о преступных перегибах на Крайнем Севере и объявило строгий выговор руководителям Оленеводтреста и Союзохотцентра. Восстание показало, что форсированная коллективизация без учета местной хозяйственной и климатической специфики, особенностей жизненного уклада местного населения приводила к разрушительным последствиям.

Работникам краеведческого пункта удалось провести экономические исследования хозяйств зимой 1934–1935 гг., уже к концу срока пребывания в пункте. Были изучены 6 кочевых советов (долганское и нганасанское население) северной части Хатангского района, однако часть материалов была испорчена из-за плохого состояния краеведческого пункта, где хранились записи. Тем не менее были получены похозяйственные опросники: 508 карточек с описанием путей кочевания и промысловых угодий. Стоит отметить, что экономические исследования во многом проводились с целью подсчета домашних оленей и установления фактов «сокрытия» их численности: были упомянуты случаи больших преуменьшений фактического количества, которые при этом сложно обнаружить из-за «круговой поруки собственников стад». Также сотрудникам пункта удалось разобрать и описать архив Хатангской церкви (с 1805 г.), осуществить работы по картографированию местностей, провести наблюдения, сделать фото и описать охотничьи и рыболовные промыслы коренного населения.

В целом основным вкладом в накопление знаний о Таймыре и его населении работников краеведческого пункта в указанный период стало изучение песца как промыслового вида, а также выявление особенностей оленеводства и рыболовства в восточной части полуострова. Эти данные были использованы в обобщающих публикациях работников Комитета Севера в журнале «Северная Азия» (Чурилова 1991: 61). Такая «хозяйственная» ориентация краеведов Хатангской культбазы иллюстрирует

тренд нового советского краеведения, переключившегося на изучение природных богатств и естественной истории.

В сравнении с краеведческими пунктами других культбаз эти итоги работы не кажутся впечатляющими: так, на тот момент при Туринской культбазе в Эвенкии (одной из самых крупных) уже функционировал краеведческий музей, имевший и этнографические коллекции. Однако стоит учитывать экстремальные условия Таймыра, позднее, долгое и сложное строительство самой Хатангской культбазы, а также Таймырское восстание 1932 г., которое не могло не помешать работе краеведов. Краеведческий пункт, таким образом, стал одним небольшим звеном развивающейся краеведческой сети. Далее будет представлен ее «следующий уровень»: кейс городского краеведческого музея.

Краеведение и деятельность Б.О. Долгих

После Гражданской войны краеведение в Сибири развивалось силами местных отделов РГО, которых было три и все они были созданы еще до революции: Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Средне-Сибирский. Последний был переименован в Красноярский отдел (КОРГО) в 1921 г. В мае 1924 г. при нем было образовано Бюро краеведения как отклик на создание Центрального бюро краеведения в Москве и призывы властей к массовому развертыванию краеведческой сети (Шмакова, Акимова 2021: 165). Бюро работало вплоть до 1930 г., когда краеведение было взято под контроль государства.

В целом, несмотря на ставшее классикой обозначение 1920-х гг. как «золотого века краеведения», в отношении Сибири в эти годы, согласно приведенной Л.А. Чуриловой (1991: 69) правительственной критике имеющейся ситуации, «коллективный подход к познанию своего края находился в зачаточном состоянии, а в северных районах Средней Сибири вообще отсутствовали традиции историко-краеведческих исследований». Исключение могли составить только Красноярск и Енисейск, так как краеведение развивалось там и до революции в рамках работы музеев. В целом местные музеи сибирских городов описывались представителями советской власти и науки «наглядными показателями проделанной научно-исследовательской работы», но и их состояние признавалось «по большей части заброшенным», отягощенным тяжелым материальным положением (Чурилова 1991: 71), с чем и была поставлена задача разобраться. Бассейн Енисея стал официально определенной территорией исследовательской работы Енисейского и Красноярского музеев. Стоит отметить, что в 1927 г., когда проводились масштабные ревизии, а все краеведческие организации в итоге были переданы в ведение Наркомпроса, количественные показатели коллекций этих двух музеев

были следующие: Красноярский – более 9 тыс. предметов, Енисейский – около 1 тыс. (72).

Активное пополнение музейных коллекций коренных народов Таймыра в 1920–1930-е гг. в музее Красноярска связано с деятельностью Б.О. Долгих. Будучи вольнослушателем Московского университета, будущий крупный ученый, получив рекомендацию в Институте антропологии, стал членом Туруханской экспедиции Приполярной переписи 1926–1927 гг. и исполнял обязанности статистика-регистратора. Весной 1926 г. Б.О. Долгих ознакомился с имеющимися коллекциями музея, летом работал у кетов, а зиму и следующую весну провел уже на Таймыре среди долган и нганасан (Баташев 2018). Ему удалось собрать большое количество этнографических материалов, описывающих, помимо прочего, традиционные культурные, хозяйственные и религиозные практики коренных народов Таймыра, сделать фольклорные записи, которые легли в основу его первых исследовательских статей, опубликованных в «Северной Азии» (Долгих 1929).

В 1927 г. в Красноярском музее открылась комплексная выставка по Крайнему Северу, которая должна была проиллюстрировать уровень «освоения тундры человеком». Судя по отчетам в публикациях, выставка имела большой успех (Чурилова 1991: 72). В течение 1928–1929 гг., помимо этнографических предметов русского народа, в Красноярский музей поступило также 30 единиц в коллекции коренного населения Сибири. Среди них была нганасанская «авамская богато орнаментированная парка» и эвенкийские культовые зооморфные предметы (Там же).

Б.О. Долгих вернулся на полуостров уже после окончания своей четырехлетней ссылки на р. Лена (был осужден в 1929 г.). Он участвовал в землеустроительной экспедиции, направленной из Иркутска на Таймыр (Авамский район) и в Эвенкию, во время которой ему удалось собрать массу новых этнографических данных, а также сделать множество записей нганасанского фольклора, часть которых была издана в книге «Легенды и сказки и нганасан» в Красноярске в 1938 г. Как написал уже в более позднем издании сам Б.О. Долгих, «только 17 наших записей 1927 и 1935 гг. объемом около 7 авторских листов были в 1938 г., и при этом с некоторыми купюрами, изданы» (1976: 16).

Книга была издана уже во время работы Бориса Осиповича в Красноярском краеведческом музее (тогда Государственный музей Приенисейского края), где он трудился с 1937 по 1944 г. (Вайнштейн 2002: 290–291). В 1938–1939 гг. проводилась Северная экспедиция Красноярского музея. Основной официальной целью экспедиции стал «сбор материала о промышленном и социальном развитии северных территорий, о советизации и колхозном строительстве» (Баташев 2018). Однако сам Б.О. Долгих называл своей главной задачей фиксирование «ущевших,

чрезвычайно древнего происхождения сказаний грандиозного эпического цикла, сохранившегося в восточной части Таймырского и северо-восточной части Эвенкийского национальных округов» (Чурилова 1991: 74). Известно, что формальным главой экспедиции был назначен 25-летний комсомолец, не имевший политической судимости, в отличие от Б.О. Долгих, а третьим членом исследовательской группы стал фотограф музея (Баташев 2018). До зимы исследования велись в Усть-Порту и Дудинке, а затем группа работала среди нганасан, долган и затундренских крестьян в Крестах (р. Дудыпта), на факториях Авам, Волочанка и Лето-вье. Далее маршрут группы пролегал к озеру Ессей, где проживали северные якуты, и далее оттуда в Эвенкию, к поселку Тура.

Итоги экспедиции описаны следующим образом: «...всего по имеющимся актам сдано в архив рукописей и хранилища музея: 19 тетрадей на 923 листах, 1 папка с 14 документами, 1 книжка с записями по номенклатуре родства, 102 предмета коллекций» (Баташев 2018). Фонды музея обогатились 91 записью нганасанского фольклора, 12 – долганского, 73 – якутского, 77 – эвенкийского (Там же). Также было получено: два полных шаманских комплекса (костюмы и предметы) с описанием их ритуальных значений и функций (Чурилова 1991: 74–75); материалы по родовому составу и номенклатуре родства нганасан, якутов и эвенков с описаниями устройства сообщества (около 80 стр. и свыше 1 тыс. записей); рисунки 140 тамг; материалы по шаманизму и нганасанскому языку (950 слов с переводом), похоронным обрядам (около 30 страниц текста); путевой дневник и этнографические заметки (около 390 страниц), несколько сот этнографических фотографий. Полученные музеем два шаманских облачения нганасанские шаманы передали сами, «подробно объяснив символику и назначение отдельных предметов» (74). Подобного рода акты передачи являются особенно ценными и для современных исследователей, так как представляют собой не просто «собираение» вещей, часто оставленных, например, при захоронениях или после проведения определенных обрядов, а обретение предметов в коммуникации с представителями индигенной культуры. Конечно, стоит иметь в виду, что зачастую поводом для передачи, особенно в ранние советские годы, становились гонения на шаманов.

Материалы, собранные Б.О. Долгих во время его работы в Красноярском музее, использовались им в его последующих работах уже в качестве сотрудника Института этнографии Академии наук СССР, куда он был принят в 1944 г. В его работе в музее нашли отражение тренды нового советского краеведения 1930-х гг., которое приводилось к организационному единству и должно было представлять собой не что иное как «форму содействия социалистическому строительству» (Смидович 1930: 12). Однако в силу личной заинтересованности и работоспособно-

сти Б.О. Долгих удавалось заниматься и собственным исследовательским проектом, несмотря на громкий лозунг того же П.Г. Смидовича, призывающий краеведов «представлять одну армию, делающую одно дело, уничтожающую старое убожество человеческой жизни» (Там же).

Музейная работа А.А. Попова

Теперь поднимемся еще «выше» и перейдем к кейсу таймырских коллекций Музея антропологии и этнографии. После революции МАЭ и этнографический факультет Географического института, впоследствии потерявшего автономность, имели крепкую связь. Ведущие сотрудники музея (В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг) сыграли главную роль в постановке этнографического образования, а многие их ученики-этнографы работали в Комитете Севера и отправлялись в экспедиции; также деятельность музея была связана с курированием и консультированием краеведов (Станюкович 1978: 163–164, 172–174).

В 1931–1932 гг. А.А. Попов был направлен в экспедицию на северо-восток Таймырского национального округа. Ученый работал среди долган и нганасан по заданию Комиссии по изучению естественно-производительных сил (Грачева 1980: 59). Главная цель его работы как старшего научного сотрудника отдела Сибири – «собрание необходимых материалов для предположенных к реэкспозиции в 1932 г. отделов Сибири» (Чурилова 1991: 64). Причиной реэкспозиции стало наступление на этнографию, начавшееся в рамках сталинского «великого перелома» в 1929 г. и напрямую коснувшееся МАЭ. В рамках сложившейся парадигмы новой советской этнографии «все доиндустриальные народы СССР превратились в пережитки» (Слѣзкин 1993: 120), потому что настоящее было объявлено социалистическим, а несоциалистическая реальность – прошлым. Новый подход к изучению коренных народов требовал новых знаний и форм репрезентации.

Из отчетных документов экспедиции известно, что Андрей Александрович собрал «подлинные туземные рисунки», большое количество этнографических данных, информацию по фольклору и языку (Чурилова 1991: 64–65). Музеем было получено «небольшое собрание нганасанских предметов, еще в какой-то мере случайное, из районов Авамской тундры» (Грачева 1980: 59). Одежду, обувь, головные уборы, утварь, детские игрушки представляли 27 позиций этой коллекции. Среди приобретений также была модель нарт, нож и «образец пищи – кусок ююлы» (Там же). Комплектование долганской же коллекции, по мнению Г.Н. Грачевой, указывало на целенаправленное приобретение конкретных предметов: вещей, «выходящих из употребления». Долганы в музее уже были представлены разнообразными коллекциями, собран-

ными в дореволюционное время, а также в 1920-е гг. в экспедиции Комиссии по изучению Якутской АССР, переданные сотрудниками (по сути – краоведами) охотничье-промысловых и этнографо-экономических отрядов. Знакомый с этими коллекциями А.А. Попов старался приобрести более редкие вещи, такие как, например, подбородник, защищающий нижнюю часть лица от обморожения и вышедший из использования еще в первой половине XX в., так как долганы стали предпочитать для этих целей ткань. Еще один пример приобретения – веревки для оленя-манщика, которые использовали при особом, также почти забытом к середине прошлого века, способе охоты на дикого оленя. При этом одна из веревок была сплетена не из кожаных ремней, что было распространенной практикой изготовления, а из сухожилий оленя. Это также перестало встречаться в более поздние периоды (Грачева 1980: 59).

Экспозиции, представленные в МАЭ в те годы, отражают подход к репрезентации хозяйственных и культурных практик северных кочевников: открываются выставки «Пережитки техники каменного века у северных народностей СССР», «Женщина у народов Севера до и после революции». Экспозиции по тунгусам (эвенкам) и долганам были «пересобраны» в 1935 г. как часть новых выставок, которые должны были представить «древнейшие стадии человеческой культуры» – так называемых низших охотников и собирателей (Чурилова 1991: 65). Советская этнография теперь стала «теорией первобытно-общинного строя» (Слѣзкин 1993: 120), а дискуссии велись вокруг происхождения классов, проблемы внутренних противоречий в доклассовом обществе и роли пережитков в ходе эволюции, в русле которых и создавались подобные выставки. Так, В.Г. Богораз в предисловии к «Технике у долган» А.А. Попова писал, что действительно обогатить процесс сравнения в рамках теории пережитков каменных и костяных орудий, найденных археологами, с изделиями «этнографического происхождения» можно только при наличии описания процесса технической работы, полученного от этнографа (Богораз 1937: 89). Темпоральность таких выставок сама собой представляла утверждение нового советского мира и его времени, что основывалось на эволюционистском подходе к репрезентируемым культурам. То, что при помощи легитимности музейного ярлычка признавалось «древнейшим», но оставалось вполне себе используемым в настоящем, должно было *стать наследием* во имя культурной революции и именно в таком статусе представляться «передовой советской обществу», живущей в социалистическом настоящем.

При этом важно понимать, что те же этнографы, которые в том числе работали и над концепциями подобных выставок, имели свои взгляды на понимание темпоральности изучаемых ими малочисленных народов Севера. Так, тот же В.Г. Богораз, работавший и над концепциями вышеупомянутых выставок, включающих и таймырские коллекции, собранные

А.А. Поповым, стал автором одного из первых монографических эссе («Эйнштейн и религия», 1925) по антропологии времени, по мнению Н.В. Ссори́на-Чайкова (2021: 83). В этой работе, несмотря на отсылки к теории относительности, в целом представлен общий посыл, близкий скорее к релятивизму Франца Боаса: «...каждая система S [система представлений, характерная для конкретной культуры. – М.А.], каждая область явлений имеет свое собственное пространство и свое собственное время» (Богораз 1925).

Так или иначе, на основе собранных А.А. Поповым предметов и описаний нганасаны стали характеризоваться в советской историографии как сохраняющие в быту и культуре наиболее «архаичные черты». Андрей Александрович в своем известном труде «Нганасаны» (1948), по сути первой крупной монографии об этом коренном народе Таймыра, говорит о них как о стоящих «на грани первобытности», что, по его мнению, подчеркивает важность сбора «еще сохранившегося к тому времени [когда проходила экспедиция. – М.А.] старого уклада» (Попов 1948: 5). Это издание, представляющее материальную культуру, основано на материалах двухгодичной экспедиции А.А. Попова 1936–1938 гг. Исследователь кочевал с нганасанами по маршруту Дудинка–Норильск–Кресты (р. Пяси́на) и севернее от тракта, к дельте р. Хатанга. По мнению Г.Н. Грачевой, «ни одна из сибирских коллекций МАЭ по полноте характеристики народности не может сравниться с нганасанской коллекцией», собранной в данной экспедиции. В музей были доставлены 783 предмета (одежда и покрывала, орудия промыслов и обработки материалов, утварь, модели нарт и упряжи, курительные трубки, игрушки и др.), в числе которых первый в МАЭ полный комплекс шаманского одеяния с бубном и колотушкой, идолами, 800 фотографий и рисунки наблюдаемых промыслов, зарисовки орнамента, описания обрядов (в том числе известного «праздника чистого чума»), записи фольклора, лингвистические материалы, и прочее (Грачева 1980: 60). Описанные и зарисованные им «отсталые» хозяйственные практики, такие как промысел диких оленей при помощи изгородей, палок-махавок с привязанными к ним перьями птиц и сетей, ловля песцов при помощи каменных пастей, на фоне даже самых первых итогов коллективизации и модернизации на Севере к концу 1930-х гг. подкрепляли производимый нарратив «цивилизационной миссии» советской власти по спасению одного «из самых заброшенных малых народов Сибирского Севера», «обреченного на вымирание» имперским правительством и очень мало исследованного (Попов 1948: 5–6).

С деятельностью А.А. Попова связано возникновение краеведческого музея в Дудинке, который ведет активную работу и сегодня. Один из основных трендов нового советского краеведения 1930-х гг. был связан с

массовым развитием сети музеев. Этот процесс также называется «музефикацией краеведения» (Мельникова 2012: 235) и связывается с переносом всех типов краеведческой работы в музеи. Установка «нет ни одного района без краеведного музея» (Чурилова 1991: 76) определила необходимость создания такового и в административном центре новообразованного Таймырского национального округа. Уже в 1931 г. на заседании Президиума оргкомитета округа рассматривался вопрос о создании краеведческого музея в центре округа – Дудинке, предложенный для обсуждения А.А. Поповым (75). Обсуждение вопроса продолжалось вплоть до 1937 г., когда Таймырским окружным исполкомом было принято постановление «О постановке архивного дела в Таймырском национальном округе и организации краеведческого музея в Дудинке» (77). Основой коллекции музея стала временная выставка, подготовленная к шестилетней годовщине округа (к сожалению, коллекция была утрачена при пожаре в 1940 г.), были выделены средства для приобретения экспозиционного оборудования. В период с начала рассмотрения вопроса о создании музея до его воплощения помощь в сборе материалов для экспозиции должны были оказывать краеведческие ячейки различных появляющихся в округе предприятий (торгово-заготовительных, промышленных и т.п.), но их вклад сложно назвать существенным (79). Развитие музея происходило уже в послевоенный период: к 1947 г. относят начало комплектования этнографической коллекции, первый штатный директор был назначен только в 1950 г., а собственное помещение музей получил в 1955 г.

Работа А.А. Попова в 1930-е гг. проходила на фоне дискуссий вокруг предмета, терминологии и вообще существования самой этнографии как науки и во многом отразила процесс ее превращения в «настоящую» марксистскую научную дисциплину. Этнография должна была являть собой метод сбора исторической информации для последующего изучения исторических вопросов в рамках марксистского подхода: материального производства, процесса этногенеза и расселения людей, происхождения классов, семьи и религии, культурного строительства и т.д. Такое устройство дисциплины должно было также работать на создание определенной формы репрезентации культур коренных народов, основанной на признании настоящего современным и социалистическим, и помещении всего, не подпадающего под эти определения, в пространство музея.

Заключение

Преодоление «отсталости» северных кочевников стало ключевой задачей большевиков в первые десятилетия после революции. Этот многоуровневый процесс, во многом выстроенный исключительно на работе этнографов, включал освоение «машины репрезентации» (Хирш 2022)

через определенное устройство работы по сбору и музеефикации этнографических предметов и производству знания о сообществах северных кочевников. Борьба с неопределенностью таким образом происходила как бы в двух измерениях: а) само накопление информации о кочевниках позволяло власти эффективнее определять способы и формы управления территориями; б) репрезентация культур северных кочевников в «модернизирующем» дискурсе эксплицитно представляла путь от «первобытного» состояния «на грани вымирания» к социализму и «цивилизации». Основой этого процесса с началом коллективизации и индустриализации была музеефикация традиционной культуры и превращение предметов и практик бытовой жизни в экспонаты.

Комитет Севера, занятый, как и в просветительских мероприятиях, так и во всестороннем изучении коренного населения, при помощи работы краеведческого пункта культбазы производил более прикладное знание, которое могло быть использовано непосредственно в процессах хозяйственной модернизации в каждой отдельной местности. В отношении Таймыра важно иметь в виду труднодоступность и экстремальность погодных условий региона, которые влияли на скорость и качество работы краеведов культбазы. При этом важно отметить, что сам Комитет Севера был «продуктом» относительно либеральной программы науки. Он просуществовал всего 10 лет и был ликвидирован в 1935 г. Во многом именно стремление комитетчиков к относительно аккуратному вмешательству с ужесточением сталинского режима привело к негативным оценкам политики Комитета Севера. Так, М.А. Сергеев в «Некапиталистическом пути развития...», вышедшем за год до начала оттепели, называл идею В.Г. Богораза о выделении в отдельное промысловое пользование территорий коренных народов с запретом доступа туда переселенцев «обособлением населения от культурного воздействия соседей», которое привело бы к «оставлению их [аборигенов. – М.А.] в изоляции, к искусственному сохранению у них «музейной культуры» (1955: 216).

Деятельность Красноярского музея на Таймыре в 1930-е гг., как части краеведческой сети была связана с работой Б.О. Долгих и его проектами исследований, которые во многом строились вокруг практики фиксации «ускользающей культуры». Поскольку в этот же период государство выстраивало новую контролирующую политику по отношению к краеведению, работа Б.О. Долгих так или иначе встраивалась в общий «модернизирующий» дискурс репрезентации индигенных культур. Однако нельзя не отметить позитивное влияние самой возможности проведения экспедиционных исследований, мощные пополнения коллекций музея, посвященных коренным народам Таймыра, и ревизию уже имеющегося фонда. Последующие таймырские исследования Б.О. Долгих во многом опирались на данный опыт. Собранные им в 1920-е гг. в составе отряда

Приполярной переписи и в 1930-е гг. при экспедиционных исследованиях музея этнографические и фольклорные материалы легли в основу многих его трудов, часть которых, например его диссертация о родоплеменном составе населения Севера Средней Сибири, до сих пор не опубликованы.

Репрезентация культуры северных кочевников в МАЭ как в одном из главных музеев страны была полностью подчинена политическому курсу 1930-х гг. и «модернизирующему» дискурсу в репрезентации культуры (в рассматриваемом мной случае) таймырских кочевников. Работа А.А. Попова как сотрудника МАЭ в русле формирующейся советской этнографии у нганасан была направлена на укрепление нарратива «цивилизационной миссии» советской власти по спасению одного из самых «архаичных» и «заброшенных» имперским правительством народов. Созданный при его участии краеведческий музей в Дудинке ознаменовал начало локальной работы на самом полуострове, которая в дальнейшем привела к включению представителей коренных сообществ в дискурс наследия.

Представляется важным отметить, что практически невозможно говорить об индигенном «голосе» во всем процессе музеефикации культуры в первые десятилетия после революции. Тем не менее исследование этого периода необходимо, важен поиск новых источников, при этом не только для академии, но и для мира за ее пределами, так как сегодня у представителей коренных сообществ существует запрос на взаимодействие с музейными предметами и архивными материалами и использование этих знаний в современной жизни и работе с собственным наследием. На мой взгляд, это принесет только пользу совместному производству знания учеными и изучаемыми ими сообществами. В завершении приведу два описания этого процесса, предложенные моим собеседником-долганином:

Вот Попов записал [что-то, но] не дописал фразу легенды, или там еще чего-то, потому что там суть должна быть. Видно, что он ее не дописал. Он ее забыл, наверное, или потерял листочек... Получается, несколько лет хранилась она, издали ее, например, а конец этой легенды [пропал, но] устно она так и ходит. И вот когда я маленький был, мне бабушка рассказывала, мама мне рассказывала, этот пазл, он вставляется туда... Вот я когда читаю [А.А. Попова], то это одна и та же сказка соединилась и мне понятно потом, о чем...

Нам надо прийти к консенсусу, к какому-то договору между институтами, между музеями, что носители культуры, которые занимаются человеком коренным именно, приезжают в любой музей, в архив... и [могут] бесплатно этим пользоваться. Бесплатно фотографировать. Для этого должны выделяться федеральные деньги этим институтам, этим музеям... Ведь это предмет моих предков (ПМА 2021, Дудинка).

Список источников

Андерсон Д.Дж. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 1998.

- Баранов Д.А. Этнографические музеи сегодня // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 21–25.
- Баташев М.С. Борис Осипович Долгих: автор самого выдающегося исследования в сибиреведении XX века. 2018. URL: <https://www.kkkm.ru/o-muzee/istoriya-muzeya/130-stranic-istorii-muzeya/boris-osipovich-dolgih-avtor-samogo-vydayushegosya-issledovaniya-v-sibirevedenii-hh-veka> (дата обращения: 15.11.2023).
- Богораз (Тан) В.Г. Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. Вып. 1. Москва; Петроград: Издательство Л.Д. Френкель, 1925. URL: http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_1925_einshteyn.shtml (дата обращения: 10.11.2023).
- Богораз В.Г. Предисловие к работе А.А. Попова «Техника у долган» // Советская этнография. 1937. № 1. С. 88–91.
- Бурмакина Г.А., Гайдин С.Т. «Построение социализма» на территории Таймырского национального округа в 1930–1941 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (63). С. 103–113.
- Вайнштейн С.И. Судьба Бориса Осиповича Долгих – человека, гражданина, ученого // Репрессированные этнографы / отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 2002. С. 284–307.
- Гарданов В.К. Музейное строительство и охрана памятников куль-туры в первые годы Советской власти (1917–1920) // История музейного дела СССР: сборник статей. Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. 1. М., 1957.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 1017. Планы и программы работы краеведческих пунктов.
- ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 1144. Отчет о работе Хатангского краеведческого пункта за 1933–1935 г.
- ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 588. Материалы о работе культбаз в туземных районах (положение, план, статья).
- ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 590. Материалы по вопросу организации культбазы в туземных районах Восточно-Сибирского, Дальневосточного краях, Томского округа, Красноярского округа (пояснительная записка и переписка).
- Грачева Г.Н. Таймырские коллекции МАЭ (долганы и нганасаны) // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л.: Наука, 1980. С. 57–64. (Сборник Музея антропологии и этнографии, т. 35)
- Гурвич И.С. Принципы ленинской национальной политики и применение их на Крайнем Севере // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М.: Наука, 1971. С. 9–49.
- Дворецкая А.П. Таймырское восстание 1932 г. в документах ГАКК // Арктика 2019: традиции, инновации, экология, безопасность, проблемы коренных малочисленных народов: материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 17–18 мая 2019 года. Красноярск, 2019. С. 191–194.
- Долгих Б.О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. V. С. 92–141.
- Долгих Б.О., Левин М.Г. Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. М., 1951.
- Долгих Б.О. Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района // Северная Азия. 1929. Кн. вторая.
- Долгих Б.О. (сост.) Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976.
- Дьяченко В.И. Охотники высоких широт: долганы и северные якуты. СПб.: Европейский Дом, 2005.
- Истомин К.В., Вахтин Н.Б. Фактор неопределенности в современных сообществах Крайнего Севера РФ: методологические подходы к изучению // Проблемы Арктики и Антарктики. 2022. № 68 (4). С. 420–436.
- Львов А.К. Культурные базы на Севере // Устроение туземных племен. М., 1926. С. 28–37.

- Мартин Ф. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.
- Мельникова Е.А. «Сближались народы края, представителем которого являюсь я»: краеведческое движение 1920–1930-х годов и советская национальная политика // *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 209–240.
- Национальная политика СССР по отношению к коренным малочисленным народам Севера в Эвенкийском и Таймырском национальных округах Красноярского края в 1920–1970 годы / Н.П. Копцева, К.А. Дегтяренко, Ю.С. Замаева [и др.]. Красноярск, 2022.
- Полевые материалы автора (ПМА 2021). Дудинка – полевые материалы, собранные в экспедиции на Таймыр в январе 2021 г.
- Попов А.А. Оленеводство у долган // *Советская этнография*. 1935. № 4–5. С. 184–205.
- Попов А.А. Техника у долган // *Советская этнография*. 1937. № 1. С. 91–136.
- Попов А.А. Нганасаны. Вып. 1: Материальная культура // *Труды Ин-та этнографии АН СССР*. Новая серия. Т. III. М.; Л., 1948.
- Попов А.А. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган (По материалам 1930–1931 гг.) // *Сибирский этнографический сборник. I. Труды Института этнографии АН СССР*. Новая серия. 1952. Т. XVIII. С. 142–172.
- Сергеев М.А. Комитет содействия народностям северных окраин // *Летопись Севера*. М., 1962. Т. 3.
- Сергеев С.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955.
- Слэзкин Ю.Л. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Слэзкин Ю.Л. Советская этнография в локдауне: 1928–1938. Пути развития этнологии // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 2.
- Смидович П.Г. Краеведение на путях социалистического строительства // *Социалистическое строительство и краеведение*. М., 1930. С. 12.
- Смит Л. «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений? // *Вопросы музеологии*. 2013. № 2 (8). С. 27–44.
- Ссорин-Чайков Н.В. Антропология времени: очерк истории и современности // *Этнографическое обозрение*. 2021. № 6. С. 81–103.
- Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978.
- Хириш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- Чурилова Л.А. Роль музеев в сохранении и развитии культуры народностей Севера (1917–1980 гг.): на материалах народностей севера средней Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
- Шмакова Н.В., Акимова Е.В. Деятельность Бюро краеведения КОРГО (ССОРГО) по организации массовой краеведческой работы в Приенисейской Сибири (1924–1928 гг.) // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2021. Т. 5, № 4. С. 165–176.
- Beck U. The Terrorist Threat: World Risk Society Revisited // *Theory, Culture & Society*. 2002. No. 19 (4). P. 39–55.
- Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley: University of California Press, 1982.
- Samimian-Darash L., Rabinow P. (eds). Modes of Uncertainty: Anthropological Cases. University of Chicago Press, 2015.

References

- Anderson D.G. (1998) *Tundroviki: ekologiya i samosoznanie taimyrskikh evenkov i dolgan* [Tundroviki: the ecology and identity of the Taimyr evenkis and dolgans]. Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otdeleniia RAN. (In Russian)
- Baranov D.A. (2007) *Etnograficheskie muzei segodnia* [Ethnographical Museums Today], *Antropologicheskii forum*, no. 6, pp. 21–25.

- Batashev M.S. (2018) *Boris Osipovich Dolgikh: avtor samogo vydaiushchegosia issledovaniia v sibirevedenii XX veka* [Boris Osipovich Dolgikh: the author of the most outstanding research in the Siberian studies of the twentieth century]. Available at: <https://www.kkkm.ru/o-muzee/istoriya-muzeya/130-stranic-istorii-muzeya/boris-osipovich-dolgih-avtor-samogo-vydayushchegosia-issledovaniya-v-sibirevedenii-hh-veka> (Accessed 15 November 2023).
- Bogoraz (Tan) V.G. (1925) *Einshtein i religii. Primenenie printsipa otositel'nosti k issledovaniu religioznykh iavlenii* [Einstein and religion. Application of the principle of relativity to the study of religious phenomena]. Vol. 1. Izdatel'stvo L.D. Frenkel'. Moscow – Petrograd, Available at: http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_1925_einshteyn.shtml (Accessed 10 November 2023).
- Bogoraz V.G. (1937) *Predislovie k rabote A.A. Popova «Tekhnika u dolgana»* [Preface to the work of A.A. Popov “Technique of the Dolgans”], *Sovetskaiia etnografiia*, no. 1, pp. 88–91.
- Burmakina G.A., Gaidin S.T. (2019) «Postroenie sotsializma» na territorii Taimyrskogo natsional'nogo okruga v 1930–1941 gg. [“Building Of Socialism” On the Territory of Taymyr National District In 1930–1941], *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6 (63), pp. 103–113.
- Vainshtein S.I. (2002) *Sud'ba Borisa Osipovicha Dolgikh — cheloveka, grazhdanina, uchenogo* [The fate of Boris Osipovich Dolgikh — a man, a citizen, a scientist]. In: *Repressirovannnye etnografy* [Repressed ethnographers] / ed. by. D.D. Tumarkin. Moscow, pp. 284–307.
- Gardanov V.K. (1957) *Muzeinoe stroitel'stvo i okhrana pamiatnikov kul'tury v pervye gody Sovetskoi vlasti (1917–1920)* [Museum construction and protection of cultural monuments in the early years of Soviet power (1917–1920)]. In: *Istoriia muzeinogo dela SSSR. Sbornik statei. Trudy nauchno-issledovatel'skogo instituta muzeovedeniia* [The history of the museum work of the USSR. Collection of articles. Proceedings of the Scientific Research Institute of Museology]. Vol 1. Moscow.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-3977. List 1. File 1017. *Plany i programmy raboty kraevedcheskikh punktov* [Plans and work programs of local lore centers].
- GARF. Fund R-3977. List 1. File 1144. *Otchet o rabote Khatangskogo kraevedcheskogo punkta za 1933–1935 g.* [Report on the work of the Khatanga local lore center for 1933–1935].
- GARF. Fund R-3977. List 1. File 588. *Materialy o rabote kul'tbaz v tuzemnykh raionakh (polozhenie, plan, stat'ia)* [Materials on the work of cultural centers in native areas (regulations, plan, article)].
- GARF. Fund R-3977. List 1. File 590. *Materialy po voprosu organizatsii kul'tbazy v tuzemnykh raionakh Vostochno-Sibirskogo, Dal'nevostochnogo kraia, Tomskogo okruga, Krasnoyarskogo okruga (poiashnitel'naia zapiska i perepiska)* [Materials on the issue of organizing a cultural centers in the native areas of the East Siberian, Far Eastern Territories, Tomsk District, Krasnoyarsk District (explanatory note and correspondence)].
- Gracheva G.N. (1980) *Taimyrskie kollektsii MAE (dolgany i nganasany)* [Taimyr collections of MAE (dolgans and nganasans)]. *Sobraniia Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR* [Collections of the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. Leningrad: Nauka, pp. 57–64. (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography, vol. 35)
- Gurvich I.S. (1971) *Printsipy leninskoi natsional'noi politiki i primeneniye ikh na Krainem Severe* [Principles of Leninist national policy and their application in the Far North]. In: *Osushchestvleniye leninskoi natsional'noi politiki u narodov Krainego Severa* [Implementation of Lenin's national policy among the peoples of the Far North]. Moscow: Nauka, pp. 9–49.
- Dvoret'skaia A.P. (2019) *Taimyrskoe vosstanie 1932 g. v dokumentakh GAKK* [Taimyr Uprising Of 1932 In The Documents Of The State Archive Of The Krasnoyarsk Territory]. In: *Arktika 2019: traditsii, innovatsii, ekologiya, bezopasnost', problemy korennykh malochislennykh narodov: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnoyarsk, 17–18 maia 2019 goda* [Arctic 2019: traditions, innovations, ecology, safety, problems of indigenous peoples: Proceedings of the international scientific and practical conference, Krasnoyarsk, May 17–18, 2019]. Krasnoyarsk, pp. 191–194.

- Dolgikh B.O. (1963) Proiskhozhdenie dolgan [The origin of the Dolgans]. In: *Sibirskii etnograficheskii sbornik* [Siberian Ethnographic Collection]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, Vol. V, pp. 92–141.
- Dolgikh B.O., Levin M.G. (1951) Perekhod ot rodoplemennykh svyazei k territorial'nym v istorii narodov Severnoi Sibiri [The transition from tribal to territorial ties in the history of the peoples of Northern Siberia]. In: *Rodovoe obshchestvo. Etnograficheskie materialy i issledovaniia* [Tribal society. Ethnographic materials and research]. Moscow.
- Dolgikh B.O. (1929) Naselenie poluostrova Taimyra i prilagaiushchego k nemu raiona [Population of the Taimyr Peninsula and the adjacent region]. *Severnaia Aziia*. Is. 2.
- Dolgikh B.O. (comp.) (1976) *Mifologicheskie skazki i istoricheskie predaniia nganasan* [Mythological tales and historical traditions of the Nganasans]. Moscow.
- D'iachenko V.I. (2005) *Okhotniki vysokikh shirot: dolgany i severnye iakuty* [Hunters of high latitudes: Dolgans and northern Yakuts]. St. Petersburg: Evropeiskii Dom.
- Istomin K.V., Vakhtin N.B. (2022) Faktor neopredelennosti v sovremennykh soobshchestvakh Krainego Severa RF: metodologicheskie podkhody k izucheniiu [Uncertainty Factor In Contemporary Communities Of The Russian Arctic: Methodological Approaches To Research], *Problemy Arktiki i Antarktiki*, no. 68 (4), pp. 420–436.
- L'vov A.K. (1926) Kul'turnye bazy na Severe [Cultural centers in the North]. In: *Ustroenie tuzemnykh plemen* [Organization of the native tribes]. Moscow, pp. 28–37.
- Martin F. (2011) *Imperiia "polozhitel'noi deiatel'nosti": Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow. (In Russian)
- Mel'nikova E.A. (2012) «Sblizhalis' narody kraia, predstavitelem kotorogo iavliaiush' ia»: kraevedcheskoe dvizhenie 1920–1930-kh godov i sovetskaia natsional'naiia politika [“The Peoples of the Kray, Which I Represent, Became Closer”: The Local Studies' Movement of the 1920–30s and Soviet National Politics], *Ab Imperio*, no. 1, pp. 209–240.
- Natsional'naiia politika SSSR po otnosheniiu k korennyim malochislennym narodam Severa v Evenkiiskom i Taimyrskom natsional'nykh okrugakh Krasnoiarskogo kraia v 1920–1970 gody* [National policy of the USSR towards the indigenous peoples of the North in the Evenki and Taimyr national districts of the Krasnoyarsk Krai in 1920–1970] / N.P. Koptseva, K.A. Degtiarenko, Iu.S. Zamaraeva [et al.]. Krasnoyarsk, 2022.
- Author's Field Materials (PMA 2021), Dudinka – field materials collected during the expedition to Taimyr in January 2021.
- Popov A.A. (1935) Olenevodstvo u dolgan [Reindeer husbandry among the Dolgans], *Sovetskaia etnografiia*, no. 4–5, pp. 184–205.
- Popov A.A. (1937) Tekhnika u dolgan [Dolgan's technique], *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, pp. 91–136.
- Popov A.A. (1948) Nganasany. Vyp. 1. Material'naia kul'tura [Nganasans. Vol. 1. Material culture]. *Trudy Instituta etnografii AN SSSR, nov. seriia* [Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences, new series], Vol. III, Moscow–Leningrad.
- Popov A.A. (1952) Kochevaia zhizn' i tipy zhilishch u dolgan (Po materialam 1930–1931 gg.) [Nomadic life and types of dwellings among the Dolgans (Based on materials from 1930–1931)]. In: *Sibirskii etnograficheskii sbornik, I, Trudy Instituta etnografii AN SSSR, nov. seriia* [Siberian ethnographic collection, I, Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences, new series]. Vol. XVIII, pp. 142–172.
- Sergeev M.A. (1962) Komitet sodeistviia narodnostiam severnykh okrain [Committee for Assistance to the Peoples of the Northern Outskirts]. *Letopis' Severa* [Chronicle of the North]. Moscow, Vol. 3.
- Sergeev S.A. (1955) *Nekapitalisticheskii put' razvitiia malyykh narodov Severa* [Non-capitalist path of development of small peoples of the North]. Moscow; Leningrad.
- Slezkine Yu.L. (2008) *Arkticheskie zerkala: Rossiia i malye narody Severa* [Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

- Slezkine Yu.L. (1993) *Sovetskaia etnografiia v lokdaune: 1928–1938. Puti razvitiia etnologii*. [Soviet ethnography during lockdown: 1928–1938. Ways of development of ethnology], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2.
- Smidovich P.G. (1930) *Kraevedenie na putiakh sotsialisticheskogo stroitel'stva* [Local history on the paths of socialist construction]. In: *Sotsialisticheskoe stroitel'stvo i kraevedenie* [Socialist construction and local history]. Moscow, pp. 12.
- Smith L. (2013) «Zerkalo nasledii»: nartsissicheskaiia illiuziia ili mnozhestvo otrazhenii? [The “Patrimonial Mirror”: Narcissistic Illusion or Multiple Reflections?], *Voprosy muzeologii*, no. 2 (8), pp. 27–44.
- Ssorin-Chaikov N.V. (2021) *Antropologiya vremeni: ocherk istorii i sovremennosti* [The Anthropology of Time: History and The State of The Art], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 83–103.
- Staniukovich T.V. (1978) *Etnograficheskaya nauka i muzei* [Ethnographic science and museums]. Leningrad.
- Hirsch F. (2022) *Imperiia natsii. Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soiuza* [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
- Churilova L.A. (1991) *Rol' muzeev v sokhranении i razvitii kul'tury narodnostei Severa (1917–1980 gg.): na materialakh narodnostei severa srednei Sibiri*: Avtoref. dis. kand. ist. nauk [The role of museums in the preservation and development of the culture of the peoples of the North (1917–1980): on materials of the peoples of the north of central Siberia: Abstract of the dissertation of a candidate of historical sciences]. Moscow.
- Shmakova N.V., Akimova E.V. (2021) *Deiatel'nost' Biuro kraevedeniia KORG (SSORGO) po organizatsii massovoi kraevedcheskoi raboty v Prieniseiskoi Sibiri (1924–1928 gg.)* [Regional Studies Bureau of Krasnoyarsk Branch of Russian Geographical Society Organizing Massive Regional Studies Activities in Prienisey Siberia (1924–1928)], *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*, Vol. 5, no. 4, pp. 165–176.
- Beck U. (2002) The Terrorist Threat: World Risk Society Revisited, *Theory, Culture & Society*, No. 19(4), pp. 39–55.
- Douglas M., Wildavsky A. (1982) *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*. Berkeley: University of California Press.
- Samimian-Darash L., Rabinow P. (eds) (2015) *Modes of Uncertainty: Anthropological Cases*. University of Chicago Press.

Сведения об авторе:

МОЧАЛОВА Мария Алексеевна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии (Москва, Россия). E-mail: masha.mochalova@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maria A. Mochalova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: masha.mochalova@iea.ras.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 01 февраля 2024 г.;
принята к публикации 01 марта 2024 г.*

*The article was submitted 01.02.2024;
accepted for publication 01.03.2024.*